

Глава 127. Величайшая суперзвезда прошлого века

Новые достижения Yihang привлекли внимание многих людей в кругу. Помимо людей, с которыми его познакомил И Мян, Шен Хуай уже был знаком со многими крупными фигурами в сфере кино и телевидения и неоднократно извлекал из этого немалую пользу.

Хотя Шен Хуай был хорошо известен в финансовых кругах, по сравнению с его предыдущими инвестициями и вложениями в кино и телевидение была большая разница. Кино и телевидение нельзя было оценить количественно. Можно сказать, что если вы хотите добиться большого успеха, то без правильного времени, места и людей не обойтись.

В этот раз, "Грех вечной ночи" восполнил пробел в криминальных драмах этого сезона. Кроме того, в последние годы телевизионные драмы в основном крутились вокруг темы романтической влюбленности, и зрители немного устали от этого. Именно такие жесткие и мозговывигающие драмы, естественно, вызвали наибольший интерес у зрителей. Только таким образом они могли быстро завоевать популярность, за которой последовала качественная реклама и своевременное продолжение, благодаря чему эта онлайн-драма, которая считалась небольшой, прямо-таки взорвалась.

Конечно, важнее всего было то, что, хотя костюмы в "Грехе вечной ночи" были простыми, тем не менее, сюжет был чрезвычайно тщательным, что и стало настоящей причиной стремительного успеха драмы.

Но такие случаи были редки. Шен Хуай на этот раз наткнулся на сокровище, можно сказать, что ему невероятно повезло.

Эти крупные фигуры были в кругу уже много лет, и Шен Хуай очень уважал их, к тому же его предыдущая праведная помощь И Мян заставила этих больших шишек хорошо к нему относиться, поэтому они сказали немного больше.

"На самом деле, ты был прав, когда начал инвестировать в онлайн-драму в самом начале. Самое большое табу при инвестировании в кино и телевидение - это слепота и высокие амбиции, поэтому не стоит слепо ориентироваться на эти вещи. В конце концов, у небольших производств есть свои ограничения, которые не могут повлиять на этот круг. В конце концов, тебе придется вернуться к большим производствам."

Шен Хуай скромно слушал наставления, не перебивая их.

У него было много знаний о себе и опыта в финансовом секторе. Хотя у него были достижения в области инвестиций и он мог войти в кино- и телевизионную индустрию, он был полным новичком. Ему уже повезло, что эти большие боссы были готовы поговорить с ним об этом.

Его отношение очень удовлетворило другую сторону, поэтому они больше разговаривали. От развития отечественной кино- и телеиндустрии до ее недостатков и сожаления о том, что хотя отечественный кинорынок постепенно открывается, система отечественной киноиндустрии еще не созрела. Это видно из того, что в последние годы кассовые сборы взорвались, но на самом деле большая часть инвестиций была вложена в крупномасштабное производство фильмов в США.

Однако, несмотря на развитие нескольких отечественных крупных производств в последние год-два, ситуация с отечественными фильмами была не очень оптимистичной. Хотя ему это было неприятно, он ничего не мог с этим поделать.

В этот момент лица нескольких больших боссов немного омрачились.

Старик с седыми волосами глубоко затянулся сигарой, которую держал в руке, затем затянулся еще раз, прежде чем медленно произнес: "Кстати говоря, это напоминает мне Пэй Жаня. Если бы он все еще был здесь, кино-и телевизионный круг в Китае сейчас был бы совсем другим".

Шен Хуай был поражен на мгновение.

Пэй Жань был самым известным актером боевых искусств в гонконгском кинематографе и на телевидении в прошлом веке. Тот период был самым горячим временем для гонконгских фильмов о боевых искусствах. Они были очень популярны не только в Китае, но и приобрели множество поклонников за рубежом, поэтому статус актеров боевых искусств был очень высок. Пэй Жань, благодаря своему хорошему кунг-фу и привлекательной внешности, вскоре стал популярен во всей кино- и телеиндустрии Гонконга.

Позже глобальный экономический спад очень сильно ударил по Гонконгу, и индустрия развлечений в Гонконге в то время находилась в состоянии паники.

Пэй Жань уже был известным магнатом в Гонконге. У него было много роскошных домов и десятки миллионов собственных активов, и даже влияние экономического спада на него было не столь велико. Однако он решительно продал свою недвижимость и вложил все свои деньги в отечественную экономику. Он также бесплатно снимался в кино, что возродило всю индустрию кино и телевидения в Гонконге.

Позже он приложил большие усилия для развития жанра фильмов о боевых искусствах и уделял больше внимания режиссерам и сценаристам. В то время появилось много известных режиссеров и сценаристов, что оказало огромное влияние на гонконгское кино и телевидение и даже на весь Китай. Его также называли "спасителем гонконгского кино".

Помимо кино- и телеиндустрии, он также помогал многим людям и активно участвовал в различных благотворительных акциях. Никто не знает, скольких отчаявшихся людей он ободрил и вселил в них надежду.

Позже, после того как Гонконг преодолел кризис, он даже получил награду от правительства, и можно сказать, что он является кумиром всех жителей Гонконга.

Жаль, что позже он умер после нескольких дней реанимации из-за несчастного случая во время съемок фильма, когда его легкие были пробиты стальными прутьями.

В день его смерти весь Гонконг был настолько погружен в траур, что Правительство специального административного района Гонконг даже приспустило флаг в знак траура.

Он был настолько харизматичной суперзвездой, что позже, во время церемонии празднования столетия гонконгского кино, все судьи сошлись во мнении, что он "величайшая суперзвезда прошлого века".

Поскольку тема разговора перешла к Пэй Жаню, некоторые из этих больших шишек захотели поговорить еще. Шен Хуай сопровождал их и непроизвольно разговаривал с ними до поздней ночи.

Когда Шен Хуай добрался до дома, было уже за полночь. Когда он вышел из машины, дул холодный ветер, и он не мог унять дрожь, внезапно почувствовав головную боль.

Он расценил это только как результат того, что не спал допоздна, поэтому быстро прошел в комнату и решил лечь спать после того, как примет душ.

Кто бы мог подумать, что когда он вошел в дом, то понял, что Е Кан тоже не спит, а сидит в гостиной и пишет песни, а когда увидел, что вернулся Шен Хуай, то отложил гитару и подошел, чтобы взять из его рук портфель.

Шен Хуай среагировал с опозданием, и портфель уже перешел в руки Е Кана.

Шен Хуай почувствовал себя беспомощным и сказал ему: "Разве ты не обещал мне не засиживаться допоздна? Почему ты все еще пишешь песни в это время?"

Е Кан взял его за руку и красноречиво сказал: "Моего парня нет дома целый день и ночь, какое мне дело до того, что я не сплю всю ночь?"

Шен Хуай: "..."

Е Кан принялся и сказал: "Ладно, сначала прими ванну, от тебя пахнет дымом. Ты повалился в пепельнице?" - он знал, что Шен Хуай не курит, и подумал, что он приобрел этот запах, общаясь с другими людьми.

Прежде чем Шен Хуай успел сказать ему, что он собирается подняться вверх, его внезапно задержал Е Кан: "Почему твое лицо немного покраснело?"

Шен Хуай был ошеломлен, а Е Кан немедленно прижал тыльную сторону ладони к его лбу. Затем он спросил с удивлением: "Почему ты такой горячий? У тебя жар?"

Только тогда Шен Хуай понял, что его знобит и у него болит голова, потому что у него жар.

Е Кан сразу же хотел отвести его в комнату, но Шен Хуай все еще настаивал на принятии душа. К тому времени, когда он вышел из ванной, все выглядело гораздо серьезнее.

Е Кан уже вскипятил воду и нашел градусник. Он измерил ему температуру, одновременно ворча на него.

Шен Хуай слушал его голос и чувствовал, как будто все его тело парит, он впал в оцепенение, но в то же время испытывал огромное облегчение, и на самом деле заснул, сам того не осознавая.

К тому времени, как Е Кан заметил это, Шен Хуай уже спал и ровно дышал.

Он беспомощно вздохнул и отнес Шен Хуая обратно на кровать. Он протянул руку, чтобы разгладить морщинки между бровями, и достал термометр. Только убедившись, что температура невысока, он почувствовал облегчение.

Этой ночью Е Кан не спал, беспокоясь, что жар Шен Хуая будет усиливаться, он продолжал охлаждать его лоб холодным полотенцем. Он трудился так до самого утра, когда температура Шен Хуая наконец снизилась.

Когда Шен Хуай проснулся, его головная боль прошла, и не было никаких других проблем, кроме легкой ломоты в теле.

Он посмотрел на Е Кана, который спал, облокотившись на край кровати, и уже собирался положить его в кровать, когда Е Кан медленно проснулся.

Шен Хуай посмотрел на сине-черные круги у него под глазами и беспомощно сказал: "Я в порядке, иди в кровать и поспи немного".

Е Кан отказался это сделать и настоял на том, чтобы сначала измерить ему температуру. Подтвердив, что лихорадка у Шен Хуая действительно прошла, он сказал: "Ты всегда говоришь мне, чтобы я следил за своим здоровьем. Но именно у тебя недавно была простуда и жар. Сходи в больницу и пройди обследование".

Шен Хуай был немного беспомощен: "Я прохожу медицинское обследование каждый год".

Но Е Кан сказал: "Сделай это в текущем году досрочно. Я пойду с тобой".

Шен Хуай не мог противостоять ему, поэтому ему ничего не оставалось, как согласиться.

Только тогда Е Кан был удовлетворен, он подумал, что все равно не сможет заснуть в данный момент, поэтому сказал: "Я пойду и приготовлю тебе завтрак".

Шен Хуай знал о его слабых кулинарных способностях и опасался, что только что избавишься от лихорадки, вместо этого отравится. Поэтому он просто сказал: "Я в порядке. Давай я приготовлю".

Шен Хуай хорошо готовил лапшу, поэтому Е Кан не возражал.

В последнее время они оба были очень заняты, и им редко удавалось побыть наедине друг с другом. Е Кан цепко обнимал Шен Хуая за талию, разговаривая с ним.

Тан Ваньцзюнь, привлеченная ароматом, стала свидетельницей этой сцены, как только вплыла внутрь. Она тут же издала возглас "вау", затем прикрыла глаза рукой, но снова растопырила пальцы и открыто подглядывала.

Шен Хуай и Е Кан: "..."

В последнее время, когда Тан Ваньцзюнь постепенно открывалась, для них стало более естественным ладить друг с другом. Однако, когда она увидела интимные отношения между ними, Шен Хуай почувствовал себя немного неловко, поэтому у Е Кана не было выбора, кроме как неохотно отпустить его.

Затем он прошептал: "Когда же эта лампочка полностью погаснет..."

"Лу Ян! Ты снова говоришь обо мне дурно!"

Поскольку Тан Ваньцзюнь пришла, Шен Хуай специально приготовил дополнительную миску. Хотя она не могла это съесть, по ее собственным словам, она чувствовала удовлетворение, просто глядя на это.

После того, как они закончили есть, Тан Ваньцзюнь некоторое время колебалась, прежде чем сказать: "Брат Шен, мы можем поехать в Гонконг через несколько дней?"

"Гонконг? - Шен Хуай был несколько удивлен, но не стал задавать дальнейших вопросов и сразу согласился, - хорошо."

Но Е Кан был любопытен: "Что ты хочешь делать в Гонконге? Повидаться с родственниками?"

Тан Ваньцзюнь поджала губы и покачала головой: "Нет".

Шен Хуай видел, что она не хочет говорить об этом, поэтому он отодвинул Е Кана назад и жестом попросил его не говорить больше.

Тан Ваньцзюнь с благодарностью посмотрела на Шен Хуая: "Спасибо".

Шен Хуай терпимо улыбнулся: "Не за что. Каждый имеет право на конфиденциальность. Если не хочешь говорить, то и не надо".

Тан Ваньцзюнь закусила губу, как будто хотела что-то сказать, но в итоге ничего не сказала, а просто подсознательно посмотрела в окно.